

Неуправляемое пространство: планирование и политика в условиях депопуляции в Ивановской области*

Е. Ю. Батунова¹, М. С. Гунько^{2,3}, А. А. Медведев^{2,3}

¹ Миланский политехнический университет,
Италия, 20133, Милан, виа Бонарди, 3

² Институт географии Российской академии наук,
Российская Федерация, 119017, Москва, Старомонетный пер., 29

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 109028, Москва, Покровский бул., 11

Для цитирования: Батунова, Е. Ю., Гунько, М. С., Медведев, А. А. (2021). Неуправляемое пространство: планирование и политика в условиях депопуляции в Ивановской области. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 66 (3), 440–459.

<https://doi.org/10.21638/spbu07.2021.302>

Начиная со второй половины XX в. во многих странах мира города и регионы сталкиваются с убылью населения, вызванной глобальными экономическими и социальными трансформациями. Помимо глобальных тенденций, в каждой стране наблюдается специфический набор факторов, которые обуславливают депопуляцию. Так, переход от государственного социализма к капитализму со сменой рациональностей экономического развития и государственного управления обусловили интенсификацию внутрискановых миграционных потоков в России. Кроме того, в стране наблюдаются старение и естественная убыль населения, которые начались еще в позднесоветский период. На этом фоне целью данной статьи является сопоставление основных тенденций трансформации региональной системы расселения и ответа на эти трансформации со стороны регионального и муниципального планирования в России на примере Ивановской области. Посредством анализа статистических данных и данных дистанционного зондирования Земли исследование демонстрирует общие для региона негативные демографические тенденции, а также результаты их влияния на трансформацию городской и сельской систем расселения. На основе результатов контент-анализа нормативных документов можно сформулировать ряд выводов. Во-первых, в документах преобладает неполное или упрощенное представление о динамике, закономерностях, причинах и последствиях депопуляции как на региональном, так и на муниципальном уровнях. Во-вторых, координация между различными уровнями государственного управления в сфере работы с проблемой депопуляции видится недостаточной. В-третьих, несмотря на долгосрочность тренда, в Ивановской области прослеживается неготовность региональных властей «принять» депопуляцию как базовое условие для формирования долгосрочного сценария развития региона и его отдельных муниципальных образований.

Ключевые слова: депопуляция, пространственное сжатие, система расселения, планирование, региональная политика, демографическая политика, Ивановская область.

* Раздел 3 написан в рамках изысканий, проводимых М. С. Гунько и А. А. Медведевым в Институте географии РАН по проекту Российского научного фонда № 19-17-00174 «Развитие районов старого освоения в условиях социально-экономической поляризации и сжатия освоенного пространства Европейской России».

1. Введение

Со второй половины XX в. во многих частях мира территории сталкиваются с убылью населения, вызванной глобальными экономическими и социальными трансформациями (Haase et al., 2014). Сокращение численности населения городов (urban shrinkage) изучается уже на протяжении нескольких десятилетий (см., например, Grossman et al., 2013; Hollander, 2018), также стали появляться и исследования депопулирующих регионов (Hoekveld, 2012; Šimon and Mikešová, 2014).

Для стран Восточной Европы (в том числе и России) депопуляция, обусловленная низкой рождаемостью и старением населения, а также пространственное сжатие — скорее правило, чем исключение (Turok and Mykhnenko, 2007; Cottineau, 2016; Haase et al., 2016). С конца XX в. в большинстве регионов России наблюдаются типичные для всех европейских стран старение и естественная убыль населения (Batunova and Perucca, 2020). Однако высокая смертность (особенно мужчин трудоспособного возраста) и, в среднем, плохое состояние здоровья населения приводят к значительно меньшей продолжительности жизни (Eberstadt, 2010; Вишневский и Щур, 2019). Коллапс государственного социализма и новые рациональности государственной политики усилили негативные тенденции, и в 1990-х гг. превышение смертности над рождаемостью получило название «русского креста» (Вишневский, 2000). Это явление виделось как следствие социально-экономических изменений в стране, но его причины включают множество факторов, определяющих демографическую структуру населения, репродуктивное поведение и продолжительность жизни, которые «уходят корнями иногда в далекое, иногда в совсем недавнее прошлое» (Вишневский и др., 2017). Миграционные потоки, формирующие позитивный миграционный баланс на национальном уровне, очень поляризованы — только некоторые регионы и города России являются привлекательными для внутренних и внешних мигрантов (Zaionchkovskaya et al., 2014; Концепция..., 2018), поэтому миграция не в состоянии компенсировать естественную убыль в большинстве городов и регионов страны.

Целью статьи является сопоставление основных тенденций трансформации региональной системы расселения и ответа на эти трансформации со стороны регионального и муниципального планирования в России как политического и технического процесса по развитию территории, в том числе землепользования и застроенной среды (Fainstein and Defilippis, 2016). Исследование проводилось на примере Ивановской области как одного из «канонических» сжимающихся регионов страны (Ivanovo..., 2004; Mah, 2012) с использованием доступных статистических данных и данных дистанционного зондирования Земли. Долговременное и устойчивое снижение численности населения в Ивановской области позволяет говорить о ней как о «критическом случае» (Flyvbjerg, 2006; Seawright and Gerring, 2008) для исследования ответа регионального и муниципального планирования на вызовы депопуляции.

2. Методологический подход

Результаты, описанные в статье, базируются на анализе разных источников данных. Анализ демографической ситуации и перспектив ее изменения проводился на основе официальных данных:

- данные по численности населения Ивановской области в период с 1970 по 2019 г., в том числе Всесоюзные и Всероссийские переписи населения (rosstat.gov.ru, n. d.);
- данные по численности постоянного населения по административным муниципальным образованиям (rosstat.gov.ru, n. d.) с 1989 по 2019 г.;
- данные по численности городского и сельского населения (rosstat.gov.ru, n. d.) с 1989 по 2019 г.;
- данные по естественному и миграционному движению населения по Ивановской области в целом (rosstat.gov.ru, n. d.) с 1995 по 2018 г.;
- данные по естественному и миграционному движению населения городов Ивановской области (multistat.ru, n. d.) с 1998 по 2013 г.;
- данные публичной кадастровой карты Росреестра на 2010 г. (rosreestr.gov.ru, n. d.).

Выявление населенных пунктов без населения проводилось с использованием данных дистанционного зондирования Земли — космическая съемка сверхвысокого разрешения за период 2014–2016 гг. на основе визуального дешифрирования. Внимание уделялось следующим признакам: физическое состояние зданий и сооружений, наличие и состояние дорожной сети, наличие и состояние источников водоснабжения, следы ведения сельского хозяйства: грядки, посевы, сенокосы, загоны для скота, пасеки и пр. (более подробно о методологии см. (Медведев и Гунько, 2016)).

Кроме того, были проанализированы официальные документы федерального уровня: Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., государственные программы и стратегии отдельных министерств и ведомств Российской Федерации; документы регионального уровня: Стратегия социально-экономического развития Ивановской области до 2020 г., Схема территориального планирования (СТП) Ивановской области, региональные программы; документы муниципального уровня: генеральные планы, стратегии социально-экономического развития и муниципальные программы в редакции, действующей на октябрь 2019 г.

3. Результаты: демографическая ситуация и расселение Ивановской области

3.1. Общие сведения о расселении региона

Ивановская область является староосвоенным и старопромышленным регионом Центральной России (Аверкиева, 2016), компактным (21 437 км²) и равномерно заселенным, с достаточно высокой средней плотностью населения (47 чел.

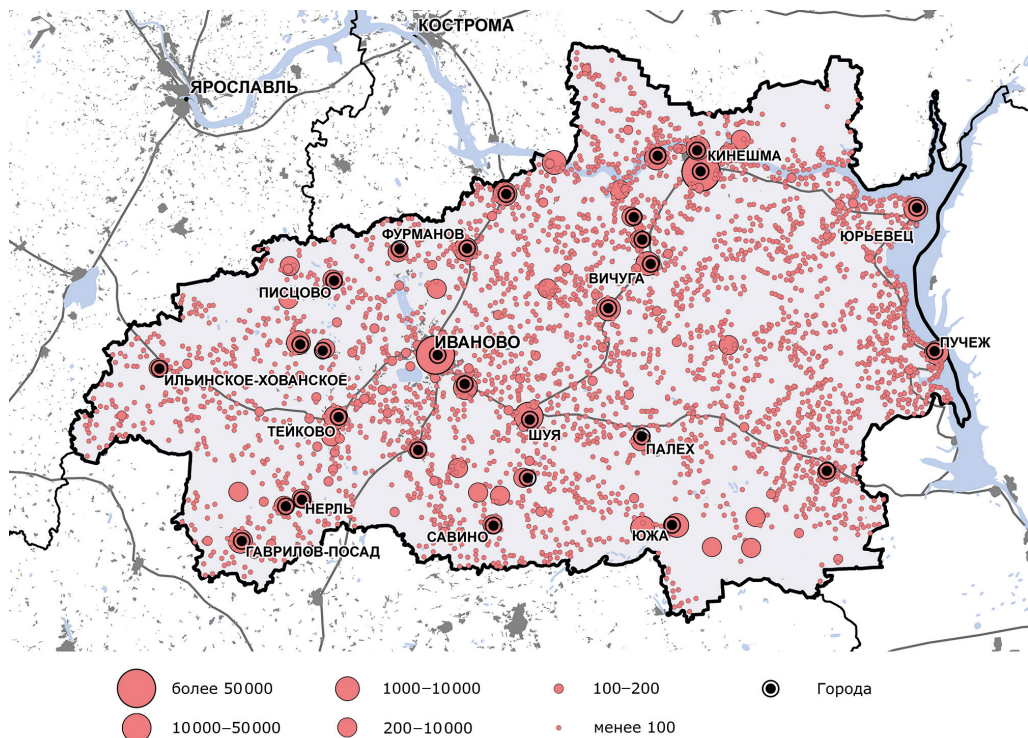

Рис. 1. Численность населения в населенных пунктах Ивановской области по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (rosstat.gov.ru, n. d.)

на кв. км), расположенным в относительной близости от национальной столицы и других крупнейших городов Центральной России.

В составе Ивановской области 143 муниципальных образования (6 городских округов, 21 муниципальный район, 24 городских и 92 сельских поселения), 17 городов, 13 поселков городского типа и 3018 сельских населенных пунктов¹. Регион характеризуется моноцентричностью — 40% населения проживает в г. Иваново (406 тыс. чел. на 2019 г.) — и высокой долей городского населения — 81.6% при среднем показателе по стране 74.4%. В городах проживает 95% городского населения, остальные 5% городских жителей (44 625 чел.) проживают в поселках городского типа.

Столица региона является крупным городом, следующие по численности после Иваново — города Кинешма и Шуя — относятся к категории средних городов, остальные города малые. В семи городах численность населения составляет менее 20 тыс. человек. В области расположены 13 поселков городского типа и 31 сельский населенный пункт, с численностью населения более 1000 человек. Среди сельских населенных пунктов преобладают небольшие, с численностью населения до 100 человек (рис. 1).

¹ Количество муниципальных образований, городов и поселков городского типа приведено по данным сборника «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года», количество сельских населенных пунктов приведено по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (rosstat.gov.ru, n. d.).

3.2. Динамика изменения численности населения региона

Убыль населения в регионе началась еще в советский период. С максимального показателя в 1.32 млн человек в 1970 г. численность населения Ивановской области сократилась на 334.9 тыс. человек (или 25 %) до 1 млн к 1 января 2019 г. Наибольший вклад в депопуляцию вносит превышение смертности над рождаемостью (в разные годы примерно в 1.5–2 раза), которое не компенсировалось даже в те периоды, когда миграционный баланс был положительным (рис. 2). При этом положительное значение миграционного баланса, хоть и незначительное, показывает, что на протяжении почти всего постсоветского периода в области не происходило катастрофического оттока населения, как это наблюдалось в северных и восточных районах страны (Mkrtchyan, 2011) — наоборот, региону удавалось поддерживать миграционный баланс приблизительно на уровне нуля.

С момента проведения последней переписи населения (в период 2010–2019 гг.) численность населения выросла только в двух муниципальных образованиях: городском округе Кохма (на 2.8 %) и Ивановском муниципальном районе (на 1.7 %), что отчетливо указывает на тенденцию увеличения концентрации населения региона в его центре и на прилегающих территориях. При этом население самого г. Иваново в указанный временной период сократилось на 0.8 %, что, скорее всего, является индикатором протекающих вокруг регионального центра процессов субурбанизации и спрала (Дохов и Сеницын, 2020).

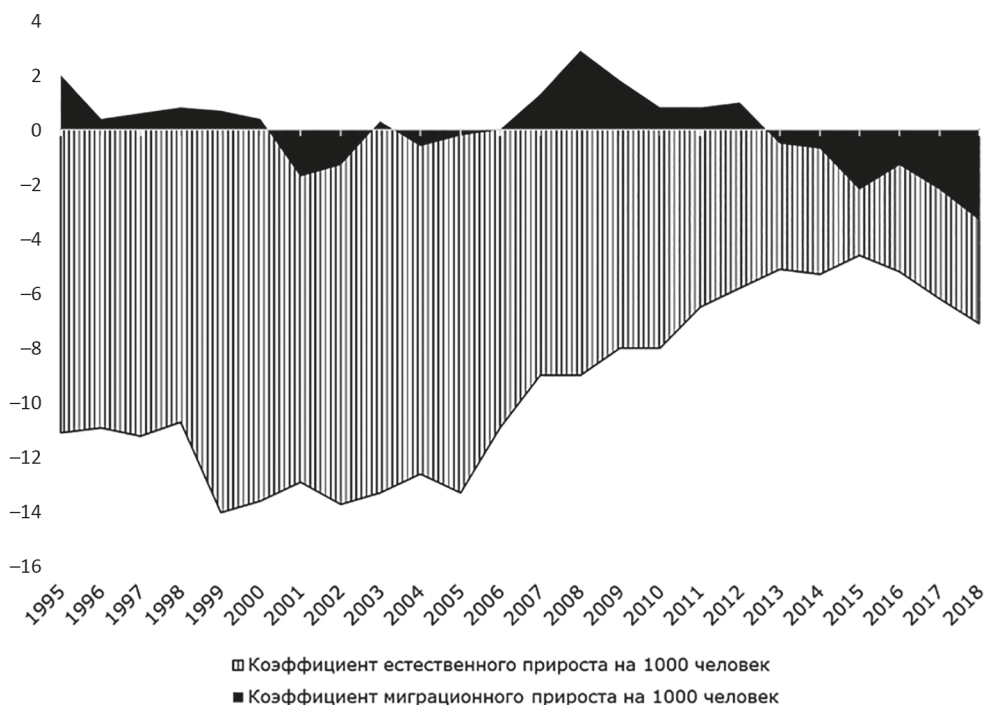

Рис. 2. Коэффициенты естественного и миграционного прироста населения на 1000 человек в Ивановской области в период 1995–2019 гг. по БД «Регионы России. Социально-экономические показатели» (rosstat.gov.ru, n. d.)

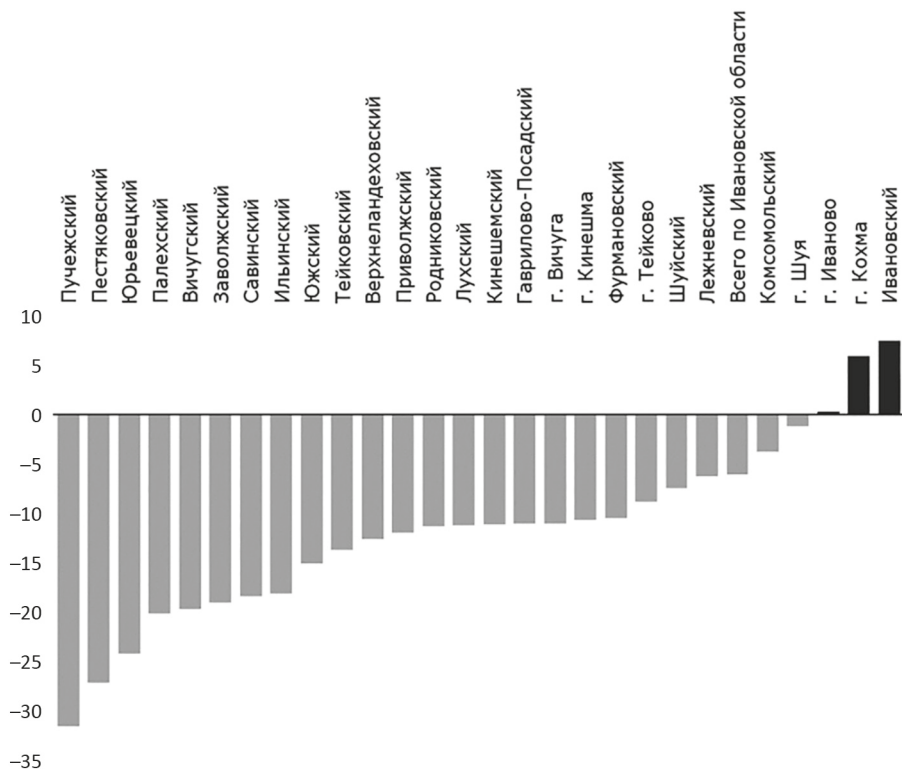

Рис. 3. Изменение численности населения муниципальных образований Ивановской области (городских округов и муниципальных районов) в период 2010–2019 гг., %. Расчеты авторов на основании данных Росстата (rosstat.gov.ru, n. d.)

Остальные городские округа и муниципальные районы области испытывали депопуляцию, динамика которой довольно сильно различалась (рис. 3). Наибольшая убыль населения с 2010 г. зафиксирована в Пучежском районе — 24.4 %. Всего в 16 муниципальных образованиях убыль населения составляла в среднем более 1 % в год (рис. 3). На уровне муниципальных районов не прослеживается связи между долей городского населения в муниципальном образовании и динамикой убыли населения — среди районов, отличающихся наибольшей динамикой убыли, есть как исключительно сельские районы, так и районы с городскими поселениями в составе.

Все муниципальные образования и населенные пункты Ивановской области характеризуются естественной убылью. Далее, только в шести из 27 муниципальных районов и городских округов регистрировалось положительное сальдо миграции — городские округа Иваново, Кохма, Шуя, а также Ивановский, Комсомольский и Лежневский районы. Показатель миграционной убыли нарастает от центра региона (Иваново) к его периферии. Исключением является Кинешемский район, видимо, благодаря городу Кинешма, второму по величине городскому центру области.

3.3. Трансформация городской системы расселения Ивановской области

Доля городского населения региона в последние годы увеличивается. При этом с 1989 по 2019 г. общая численность населения городов Ивановской области сократилась с 972 459 до 774 838 человек (на 20%). С 1989 г. депопулировали все города области, за исключением г. Кохма (табл. 1). Анализ динамики численности населения отдельных городов по трем временным периодам (1989–2002, 2002–2010 и 2010–2019 гг.) говорит о различиях в паттернах убыли населения (рис. 4).

Сопоставимые статистические данные по компонентам изменения численности населения отдельных городов Ивановской области, позволяющие оценить

Таблица 1. Численность населения городов Ивановской области по данным Всесоюзной переписи 1989 г., а также данным ежегодного статистического учета на 1 января 2019 г. (rosstat.gov.ru, n. d.)

Город	1989	2019	Изменение численности в 2019 г. по отношению к 1989 г., %
Плёс	4053	1751	-56.8
Юрвец	16 535	8154	-50.7
Пучеж	12 712	6477	-49.0
Южа	20 892	12 369	-40.8
Заволжск	16 530	9836	-40.5
Гаврилов Посад	8492	5582	-34.3
Вичуга	49 745	33 794	-32.1
Комсомольск	11 587	8058	-30.5
Фурманов	46 182	33 364	-27.8
Приволжск	20 680	15 302	-26.0
Наволоки	12 434	9229	-25.8
Родники	32 088	24 061	-25.0
Кинешма	105 037	81 986	-21.9
Шуя	69 362	57 569	-17.0
Тейково	38 126	32 033	-16.0
Иваново	481 042	405 053	-15.8
Кохма	26 962	30 220	12.1

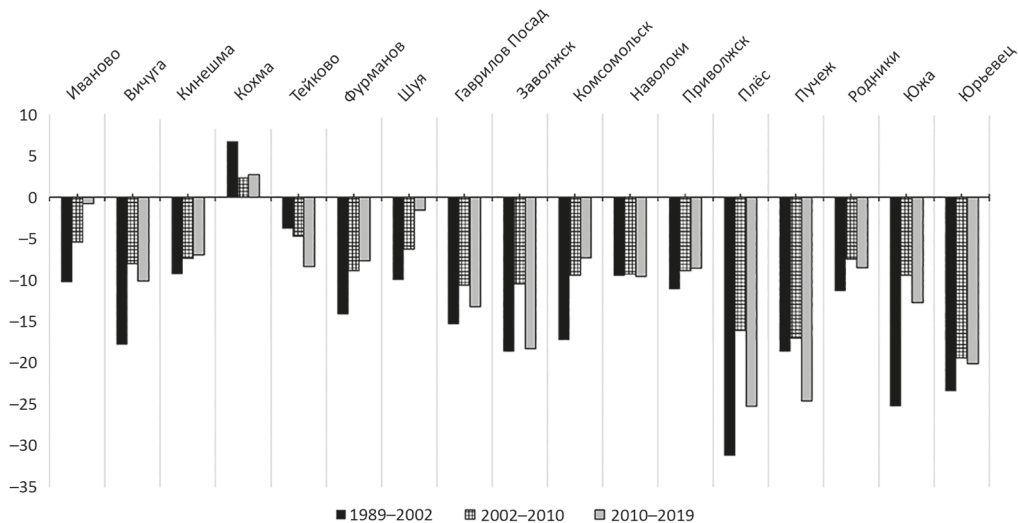

Рис. 4. Изменение численности населения городов Ивановской области по трем временным периодам: 1989–2002, 2002–2010, 2010–2019 гг. Расчеты авторов на основании данных Росстата (rosstat.gov.ru, n. d.)

изменения за весь постсоветский период, отсутствуют². Проведенный нами анализ данных за период 1998–2013 гг. (multistat.ru, n. d.) показывает, что демографическая ситуация всех городов региона характеризовалась естественной убылью населения в каждый год рассматриваемого периода. Положительный миграционный баланс наблюдался в 11 городах из 17. Однако только в Кохме прирост населения за счет миграций позволил компенсировать естественную убыль. Региональная столица Иваново характеризуется наименьшим коэффициентом миграционного прироста населения среди городов области с положительным сальдо миграций.

3.4. Трансформация сельской системы расселения

Анализ изменения численности населения отдельных сельских населенных пунктов представляется затруднительным, так как такой учет производится только в период переписей населения. Последние доступные данные о численности населения по отдельным населенным пунктам представлены во Всероссийской переписи населения 2010 г. В 2010 г. на территории Ивановской области было 3018 сельских

² Достоверность, сопоставимость и полнота официальных статистических данных, представляемых Росстатом, давно являются предметом критики экспертов, см., например, (Вишневский и Захаров, 2010; Кордонский, 2018). В связи с неравномерным переходом после 2003 г. от административных (города) к муниципальным (городские поселения и городские округа) единицам статистического учета не всегда можно проводить корректный анализ динамики показателей по БД «Мультистат. Экономика городов России» (1991–2013 гг.). Еще больше вопросов вызывает сопоставление БД «Мультистат. Экономика городов России» и БД «Показатели муниципальных образований», не только в связи с разными единицами статистического учета, но особенно в связи с отсутствием некоторых данных на уровне городских поселений. В частности, для Ивановской области данные по компонентам изменения численности населения на уровне городских поселений недоступны.

Таблица 2. Группировка сельских населенных пунктов Ивановской области по численности жителей согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. (rosstat.gov.ru, n. d.)

Всего	В том числе сельские населенные пункты										
	Без населения	с числом жителей									
		1–10	11–50	51–100	101–200	201–500	501–1000	1001–2000	2001–3000	3001–5000	более 5000
3018	634	1040	781	187	138	157	48	25	4	2	2

населенных пунктов, из них в 1040 населенных пунктах проживало менее 10 человек, в 781 — от 11 до 50 человек. В 634 сельских населенных пунктах на дату проведения переписи не было зафиксировано постоянно проживающее население, т. е. указан 0 в графе «численность постоянного населения» (табл. 2, рис. 5, а). В дополнение к населенным пунктам «без постоянного населения» согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. — по данным Росреестра на тот же период в Ивановской области 285 сельских населенных пунктов имели статус «нежилых», т. е. были официально упразднены до проведения переписи (рис. 5).

Как видно из рис. 5, а, наибольшее число «нежилых» населенных пунктов и населенных пунктов «без постоянного населения» концентрируется на восточной периферии региона. Эти данные согласуются с плотностью сельского населения на территории Ивановской области, которая снизилась с 14,3 чел./км² в 1970 г. до 9 чел./км² в 2019 г., а самое значительное ее уменьшение произошло в Пучежском, Пестяковском, Заволжском, Юрьевоцком, Ильинском, Палехском и Вичугском районах.

Однако данные переписи и Росреестра не отражают в полной мере реальную картину. С одной стороны, ввиду ошибок учета населения во время переписи (Андреев, 2012), действительно покинутых населением населенных пунктов может быть больше. С другой стороны, ряд «нежилых» населенных пунктов и населенных пунктов «без постоянного населения» реосваивается сезонным населением. Эта тенденция особенно касается сельских населенных пунктов, расположенных в живописных, рекреационно привлекательных местах (Нефедова и Медведев, 2020). Поэтому в целях иллюстрации фактической картины трансформации сельской системы расселения был проведен анализ данных дистанционного зондирования Земли сверхвысокого разрешения, в рамках которого была выделена категория населенных пунктов «без признаков населения и хозяйственной деятельности». Населенные пункты «без признаков населения и хозяйственной деятельности» могут относиться к одной из двух официальных категорий: населенные пункты «без постоянного населения» (перепись) или «нежилые» населенные пункты (rosreestr.gov.ru, n. d.), являясь в этом случае и *де юре* и *де факто* заброшенными.

В целом по данным дистанционного зондирования Земли на середину 2010-х гг. в Ивановской области было около 700 сельских населенных пунктов, отнесенных к категории «без признаков населения и хозяйственной деятельности» (рис. 5, б). В пространственном отношении они представлены во всех муниципальных образованиях региона, в том числе в непосредственной близости от Иваново. Значительная группа населенных пунктов «без признаков населения и хозяйственной деятельности» вдоль побережья Волги свидетельствует о том, что, несмотря на вы-

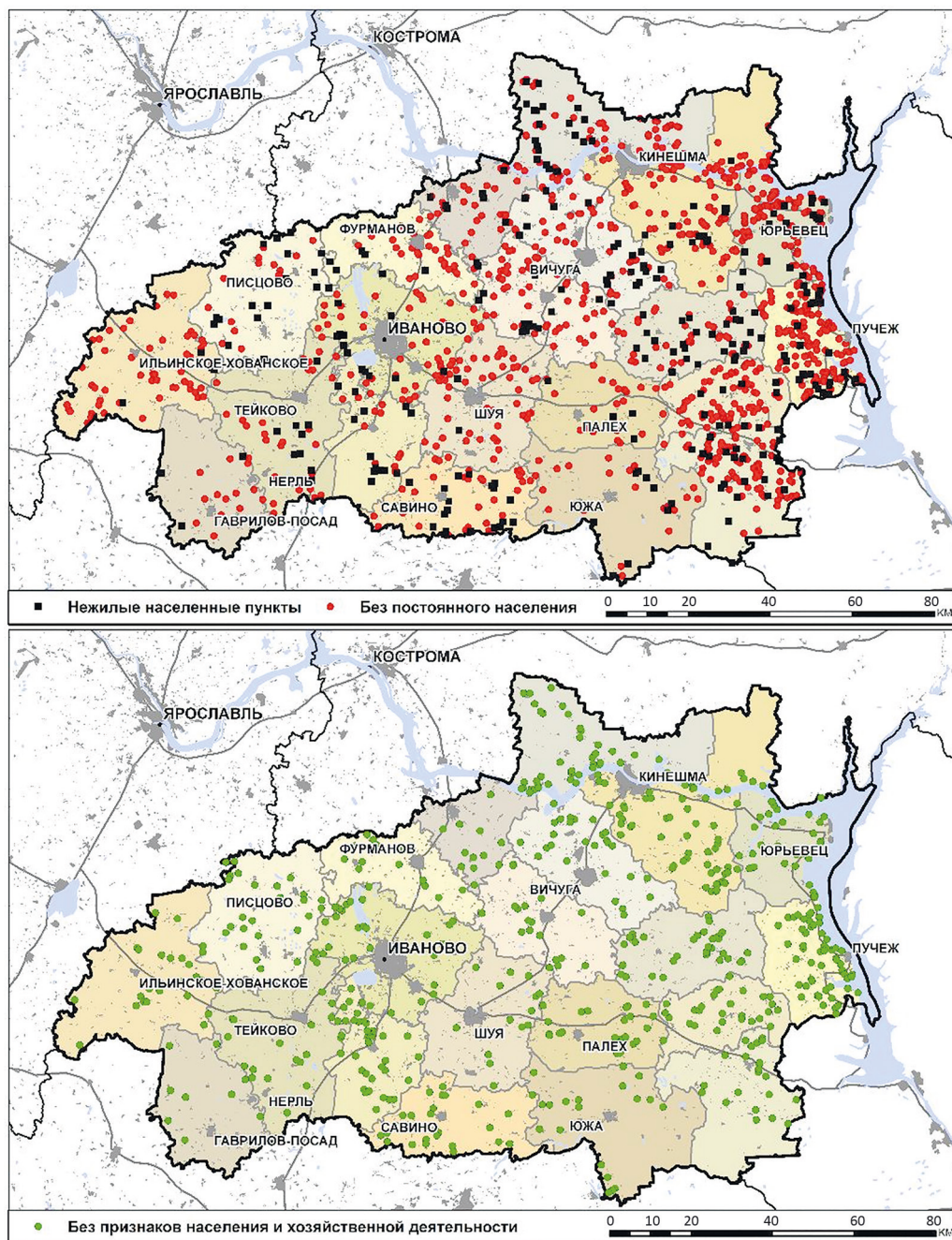

Рис. 5. а — «нежилые» населенные пункты (rosreestr.gov.ru, n. d.), населенные пункты «без постоянного населения» (Всероссийская перепись населения 2010 г. (rosstat.gov.ru, n. d.)) в Ивановской области; б — населенные пункты «без признаков населения и хозяйственной деятельности» (на основании дешифрирования авторами космических снимков сверхвысокого разрешения). Фоном показаны муниципальные образования

сокий потенциал к дачному реосвоению данных территорий, масштабы процесса не стоит переоценивать.

4. Результаты: пространственная политика и планирование в условиях депопуляции

При анализе политики, проводимой на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, нами рассматривались преимущественно решения и стратегии органов государственной власти и местного самоуправления, имеющие долгосрочный горизонт планирования. Планирование на всех уровнях власти представлено двумя типами: стратегическим (социально-экономическим) — в соответствии с требованиями Федерального закона о стратегическом планировании (Федеральный закон..., 2014), и территориальным — в соответствии с требованиями Градостроительного кодекса РФ (Градостроительный кодекс..., 2014). Документы по территориальному планированию (ДТП) являются обязательными для субъектов Российской Федерации и всех муниципалитетов в их составе согласно Градостроительному кодексу, тогда как стратегия социально-экономического развития (ССЭР) не является обязательным документом для муниципальных образований в соответствии с Федеральным законом № 172-ФЗ. По этой причине на местном уровне долгосрочное планирование представлено зачастую только в ДТП.

4.1. Федеральная и региональная политика и планирование

Несмотря на серьезные негативные демографические изменения, начавшиеся еще в период государственного социализма, Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. была утверждена только в 2007 г. и не учитывала все аспекты сложной демографической ситуации в России. Основной целью Концепции демографической политики стало улучшение показателей естественного движения населения и связанных с ними факторов, а миграционной политике практически не уделялось внимания. Меры, разработанные в рамках Концепции демографической политики, не учитывают территориальные аспекты и существующие различия российских регионов.

В 2012 г. была разработана Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., обновленная в 2018 г. В Концепции миграционной политики впервые была официально признана необходимость привлечения международных мигрантов для компенсации естественной убыли численности населения страны. Однако меры миграционной политики на практике слабо влияют на ситуацию в регионах, миграционные потоки остаются крайне поляризованными, и наиболее привлекательными для мигрантов остаются крупные экономические центры (Алешковский и Бочарова, 2014; Rozanova, 2016).

Косвенно вопросы депопуляции помимо демографической и миграционной политики на федеральном уровне адресуются при формировании государственной политики по следующим направлениям.

1. Экономическое развитие: стратегическое планирование, государственные программы поддержки моногородов и формирование особых экономиче-

ских зон, инвестиционная политика. Так, в Ивановской области девять населенных пунктов отнесены к моногородам согласно распоряжению Правительства Российской Федерации (Перечень..., 2014). Из них по четыре к первой (п. Петровский, п. Каменка, п. Савино, г. Южа) и второй (г. Наволоки, п. Колобово, г. Вичуга, г. Приволжск) категориям, а два — к третьей категории³ (г. Фурманов, г. Тейково).

2. Оптимизация и модернизация социальной инфраструктуры.
3. Создание комфортных условий проживания: жилищное строительство, развитие инженерной инфраструктуры, формирование комфортной городской среды.

В то же время комплексная стратегия действий в отношении депопулирующих территорий на федеральном уровне не сформирована.

На региональном уровне в российских условиях стратегии и программы только конкретизируют и локализуют мероприятия, предусмотренные на федеральном уровне, а предпосылки для возникновения комплексного видения развития в условиях депопуляции отсутствуют. Так, в составе правительства Ивановской области нет подразделения, в зоне ответственности которого находилась бы политика в отношении депопуляции и пространственного сжатия территории региона. Реализация государственной региональной политики осуществляется посредством профильных министерств, ответственных за различные сферы развития. В 2006 г. была создана комиссия по демографической политике при губернаторе Ивановской области, однако мониторинг сведений о ее деятельности на официальном сайте региона показывает эпизодический характер активности комиссии. Более того, слабая репрезентация вопросов демографии в региональных стратегических и программных документах указывает на недостаточное влияние результатов работы структуры на деятельность профильных министерств.

Основным средством решения проблем депопуляции и пространственного сжатия в правительстве области видится экономическое развитие. В Стратегии социально-экономического развития Ивановской области демографическое развитие и «снижение человеческого капитала» названы одними из ключевых факторов риска развития региона. ССЭР обозначила в качестве одной из стратегических целей переход на нулевой уровень естественной убыли населения, улучшение здоровья населения, сокращение миграционных потоков в соседние регионы за счет развития социальной сферы, социальной поддержки населения, снижения риска смертей от внешних факторов, улучшения качества жизни и комфортности проживания. В ССЭР также отмечена необходимость привлечения мигрантов и проведения мероприятий по их интеграции. Тем не менее в ССЭР отсутствует территориальная привязка обозначенных мероприятий и их специализация для разных территорий области.

СТП Ивановской области не содержит никаких мероприятий, которые были бы направлены на решение проблемы пространственного сжатия, или адаптации системы расселения и региональных инфраструктур под изменяющиеся нужды

³ Первая категория — моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением, вторая категория — моногорода с рисками ухудшения социально-экономического положения, третья категория — моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией.

убывающего и стареющего населения. Хотя в материалах по обоснованию СТП Ивановской области констатируется трансформация системы расселения и административно-территориального деления региона, обусловленная долговременной депопуляцией.

4.2. Муниципальная политика и планирование

На муниципальном уровне в Ивановской области стратегии социально-экономического развития отсутствуют в большинстве муниципалитетов, поэтому в данной работе было принято решение анализировать только документы территориального планирования — генеральные планы городских округов и схемы территориального планирования муниципальных районов. Ключевыми пунктами анализа стали разделы, касающиеся вопросов демографического развития муниципалитета (включая анализ текущей ситуации и демографический прогноз), а также разделы, касающиеся планировочных мероприятий.

Демографический раздел, как правило, является одним из основных разделов в любом ДТП, так как именно численность населения и ее прогноз служат обоснованием для планирования инфраструктурного (включая жилищный фонд) будущего территории (Батунова, 2017). По результатам их рассмотрения можно сделать следующие выводы.

В рамках демографических разделов проводится анализ текущей демографической ситуации, как правило, лишь по узкому кругу показателей: численность населения, миграционный и естественный прирост, доля населения в трудоспособном возрасте. Реже встречается анализ демографической структуры, однако именно он является базовым показателем для дальнейшего прогноза численности населения. Такие показатели, как младенческая смертность, причины смертности, ожидаемая продолжительность жизни, брачность/разводимость, этнический состав, маятниковые миграции и сезонное население, практически не анализируются. Кроме того, даже наиболее распространенные показатели анализируются лишь за непродолжительный промежуток времени — 5 лет, для численности населения — 5–10 лет. Демографическая структура в динамике обычно не анализируется вовсе. Среди причин сложившейся ситуации можно назвать следующие: 1) отсутствие ряда показателей в данных государственной статистики на муниципальном уровне (за Росстатом закреплена функция по обеспечению статистическими данными только государственного, т. е. федерального и регионального, уровня власти); 2) плохая сопоставимость данных, полученных из разных ведомств; 3) сложность и низкая заинтересованность в получении муниципалитетами данных «для служебного пользования» (Вишневский и Захаров, 2010; Моляренко, 2014).

Анализ демографических прогнозов показал, что лишь в нескольких документах (Генеральные планы городского округа Кинешма, СТП Ивановского района) они основываются на наиболее достоверном методе — методе передвижки возрастов (когортно-компонентном методе) (табл. 3). В большинстве же ДТП прогнозируемая численность населения либо отсутствует, либо не обосновывается. При этом изменение динамики численности населения в первую очередь связывается с миграционной подвижностью, а смена негативного тренда на позитивный — с созданием новых рабочих мест.

Таблица 3. Результаты анализа демографических прогнозов, представленных в документах территориального планирования (ДТП) муниципальных образований (МО) Ивановской области

Тип МО	Количество МО, всего	МО с утвержденными ДТП	Количество ДТП, в которых приведена прогнозная численность населения	Количество ДТП, в которых прогнозная численность населения обоснована
Городской округ	6	6	3	1
Муниципальный район	21	21	13	4

Несмотря на долговременный тренд снижения численности населения в Ивановской области, ни в одном из рассмотренных документов не было предложено специфических планировочных мероприятий для работы со «сжимающимися» территориями, где меняются потребности в жилье и инфраструктурах, появляются заброшенные здания / сооружения / земельные участки.

5. Обсуждение результатов и заключение

Длительная и устойчивая депопуляция Ивановской области обусловлена комбинацией сложных факторов, действующих на макро-, мезо- и микроуровнях. Депопуляция является основным демографическим трендом практически всех муниципальных образований региона и обещает оставаться таковым в будущем. Если миграционное движение различается по муниципальным образованиям, то стабильная и значительная естественная убыль населения присутствует везде.

Долговременная депопуляция в регионе оказывает значительное влияние на трансформацию системы расселения, как показывают результаты статистического анализа и данные дистанционного зондирования Земли. Уже сейчас мы наблюдаем обезлюдивание отдельных районов области, особенно в ее восточной части. Однако для детализации комплекса причин и последствий депопуляции на территории региона требуются большие массивы статистических данных, которые в настоящее время недоступны, что помимо прочего не способствует формированию соответствующего ответа со сторон региональной политики.

Как показал проведенный анализ региональной политики и планирования Ивановской области, они ориентированы в первую очередь на экономическое развитие как инструмент решения проблемы депопуляции в регионе, что противоречит сложившейся ситуации, в которой естественная убыль является главной причиной во всех муниципалитетах. Более того, все возможные инструменты и ресурсы влияния на демографическую ситуацию сконцентрированы на федеральном уровне, повестка которого не учитывает региональные и внутрирегиональные различия территорий, а потому не может эффективно работать для отдельных городов и сел. На муниципальном же уровне инструменты формирования видения будущего муниципалитета и реализации стратегий существенно ограничены. Такая ситуа-

ция обусловлена распределением властных полномочий и спецификой бюджетной системы в Российской Федерации, которые мало способствуют развитию реального местного самоуправления.

Проанализированные нами ДТП малоэффективны в вопросе решения проблемы депопуляции или адаптации инфраструктуры к условиям убыли населения. Демографические прогнозы, на которых основаны расчеты потребностей в будущем строительстве жилищного фонда и инфраструктуры, имеют низкое качество и далеки от реальности. Желаемое увеличение численности населения в прогнозах ДТП мало чем обосновано либо строится на ошибочных выводах. В большинстве проанализированных документов прогнозируется стабилизация численности населения на расчетный срок (изменения в пределах $\pm 5\%$), хотя в СТП Вичугского и Ивановского районов речь идет о повышении численности населения на 12 и 35% соответственно благодаря «эффективной демографической политике и реализации новых инвестиционных проектов», а не основываясь на объективных показателях. В отсутствие реалистичных демографических прогнозов ДТП не предполагают мероприятий по оптимизации существующей или проектированию будущей инфраструктуры с учетом убыли населения.

В целом формирование политики и долгосрочного планирования на территориях, характеризующихся длительной депопуляцией и пространственным сжатием, ассоциировано со многими трудностями — в течение всей истории существования планирования его целью было решение проблем и противоречий, вызванных бурным ростом населения и расширением систем расселения (Martinez-Fernandez et al., 2012). В то же время проблема депопуляции и сжатия в мировом масштабе возникла относительно недавно. Анализ мирового опыта в области политики и планирования показывает, что отношение к депопуляции обычно проходит несколько стадий (Hospers, 2014). На первом этапе к депопуляции относятся как ко временному явлению и предпочитают игнорировать, не меняя подходы к территориальному и стратегическому планированию. На втором этапе происходит осознание реальности депопуляции и начинается реализация проактивных стратегий, ориентированных на возвращение к росту или на стабилизацию численности населения. Третий этап связан с пониманием невозможности возврата к росту населения в текущих условиях и формированием стратегий адаптации территорий к убыли населения. На четвертом этапе возникают стратегии, ищущие преимущества, которые может дать территориям убыль населения. Так, высвобождение вторичного жилищного фонда может способствовать улучшению жилищных условий остающегося населения (в некоторых муниципалитетах Ивановской области это уже осуществляется); снижение нагрузки на учреждения социальной сферы позволяет, например, ликвидировать очереди на места в учреждения дошкольного образования или сменность в школах; возможно также улучшение экологической обстановки и высвобождение энергетических мощностей. Однако преобладающее до сих пор представление о том, что только растущие территории являются успешными и привлекательными, во многом является препятствием для трансформации заточенного на рост планирования, даже когда необходимость таких изменений кажется очевидной (Pallagst et al., 2017a; 2017b).

Несмотря на 40-летнюю историю убыли населения, Ивановская область находится в самом начале осознания того, что этот процесс является существенным аспектом, влияющим на региональное развитие. С одной стороны, кажется, что

правительство региона ориентировано на реализацию проактивных стратегий (Hospers, 2014), целью которых должен стать кардинальный поворот тренда изменения численности населения или хотя бы стабилизация населения. Однако внимательный анализ показывает, что осознание настоящих причин депопуляции и ее неизбежности в регионе не произошло, а, соответственно, принимаемые регионом решения вряд ли смогут изменить ситуацию к лучшему и ответить на реальные вызовы, формируемые сложившейся демографической ситуацией.

Литература

- Аверкиева, К. В. (2016). Шаткое равновесие или депрессивная стабильность Ивановской области. В: С. Г. Сафронов, под ред., *Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России*. Москва: Кодекс, 358–380.
- Алешковский, И. А., Бочарова, З. С. (2014). Россия в глобальных миграционных потоках: история и современность. *Вестник Московского университета. Серия 17: Глобалистика и геополитика*, (3–4), 3–24.
- Андреев, Е. М. (2012). О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации. *Вопросы статистики*, (11), 21–35.
- Батунова, Е. Ю. (2017). Учет депопуляционных процессов в документах территориального планирования городов Юга России. *Региональные исследования*, 1 (55), 64–72.
- Вишневский, А. Г. (2000). Подъем смертности в 90-е годы: факт или артефакт? *Мир России: Социология, этнология*, 9 (3), 153–160.
- Вишневский, А. Г., Андреев, Е. М., Щербакова, Е. М. (2017). Демографические вызовы России. Часть первая — население и пространство. *Демоскоп Weekly*. [online] (749–750). Доступно на: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0749/tema01.php> [Дата доступа 05.08.2021].
- Вишневский, А. Г., Захаров, С. В. (2010). Что знает и чего не знает российская демографическая статистика. *Вопросы статистики*, (2), 7–17.
- Вишневский, А. Г., Щур, А. Е. (2019). Смертность и продолжительность жизни в России за полвека. *Оргздрав: новости, мнения, обучение*, 5 (2), 10–21.
- Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ*. (2004). Москва.
- Дохов, Р. А., Синицын, Н. А. (2020). Спрол в России: рост и структурная трансформация пригородов Белгорода. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, (2), 191–206.
- Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы*. (2018). Утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622.
- Кордонский, С. Г. (2018). Триста с лишним лет — сплошная модернизация, а страна остается такой же. [online] *Znak*. Доступно на: https://www.znak.com/2018-11-12/simon_kordonskiy_o_propasti_mezhdu_falshivoy_gosstatistikoy_i_realnoy_zhiznyu_rossiyan [Дата доступа 05.08.2021].
- Медведев, А. А., Гунько, М. С. (2016). Выявление признаков наличного населения по материалам дистанционного зондирования. *Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофото съемка*, (6), 85–91.
- Моляренко, О. А. (2014). Муниципальная статистика и проблемы сбора информации местной властью. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки*, 14 (4), 125–140.
- Нефедова, Т. Г., Медведев, А. А. (2020). Сжатие освоенного пространства в центральной части Европейской России: динамика населения и использование земель в сельской местности. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 5, 645–659.
- Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)*. (2014). Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р.
- Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ*. (2014). Москва.
- Batunova, E. and Perucca, G. (2020). Population Shrinkage and Economic Growth in Russian Regions 1998–2012. *Regional Science Policy and Practice*, 12 (4), 595–609.
- Cottineau, C. (2016). A multilevel portrait of shrinking urban Russia. *Espace populations sociétés*. [online] 2015/3–2016/1. Доступно на: <http://eps.revues.org/6123> [Дата доступа 05.08.2021].

- Eberstadt, N. (2010). *Russia's peacetime demographic crisis: dimensions, causes, implications*. Seattle: National Bureau of Asian Research.
- Fainstein, S. and Defilippis, J. (eds) (2016). Introduction. In: *Readings in Planning Theory*. Chichester: Wiley Blackwell, 1–18.
- Flyvbjerg, B. (2006). Five misunderstandings about case-study research. *Qualitative Inquiry*, 12 (2), 219–245.
- Grossman, K., Bontije, M., Haase, A. and Myknenko, V. (2013). Shrinking cities: notes for the future research agenda. *Cities*, 35, 221–225.
- Haase, A., Rink, D. and Grossmann, K. (2016). Shrinking cities in post-socialist Europe: what can we learn from their analysis for theory building today? *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 98 (4), 305–319.
- Haase, A., Rink, D., Grossmann, K., Bernt, M. and Myknenko, V. (2014). Conceptualizing urban shrinkage. *Environment and Planning A*, 46 (7), 1519–1534.
- Hoekveld, J. J. (2012). Time-Space Relations and the Differences Between Shrinking Regions. *Built Environment*, 38 (2), 179–195.
- Hollander, J. (2018). *A Research Agenda for Shrinking Cities*. Edward Elgar Publishing.
- Hospers, J.-G. (2014). Policy responses to urban shrinkage: from growth thinking to civic engagement. *European Planning Studies*, 22 (7), 1507–1523.
- Ivanovo. *Eine Stadt in postsozialistische Transformation*. (2004). [online] Доступно на: http://www.shrinkingcities.com/fileadmin/shrink/downloads/pdfs/WP_Band_1_Ivanovo.pdf [Дата доступа 05.08.2021].
- Mah, A. (2012). *Industrial Ruination, Community and Place: Landscapes and Legacies of Urban Decline*. Toronto: University of Toronto Press.
- Martinez-Fernandez, C., Audirac, I., Fol, S. and Cunningham-Sabot, E. (2012). Shrinking cities: urban challenges of globalization. *International Journal of Urban and Regional Research*, 36 (2), 213–225.
- Mkrтчян, N. (2011). Russia's migration balance by regions: the twenty post-Soviet years. *Regional Research of Russia*, 1, 95–198.
- multistat.ru. (n. d.). *Мультистат — Многофункциональный статистический портал. База данных «Экономика городов России»*. [online] Доступно на: http://multistat.ru/?menu_id=9310004 [Дата доступа 05.08.2021].
- Pallagst, K., Fleschurz, R. and Said, R. (2017a). What drives planning in a shrinking city? Tales from two German and two American cases. *Town Planning Review*, 88 (1), 15–28.
- Pallagst, K., Mulligan, H., Cunningham-Sabot, E. and Fol, S. (2017b). The shrinking city awakens: Perceptions and strategies on the way to revitalisation? *Town Planning Review*, 88 (1), 9–13.
- rosreestr.gov.ru. (n. d.). *Росреестр — Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии*. [online] Доступно на: <https://rosreestr.gov.ru/site/> [Дата доступа 05.08.2021].
- rosstat.gov.ru. (n. d.). *Росстат — Федеральная служба государственной статистики*. [online] Доступно на: <https://rosstat.gov.ru/> [Дата доступа 05.08.2021].
- Rozanova, M. S. (ed.) (2016). *Labor migration and migrant integration policy in Germany and Russia*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press.
- Seawright, J. and Gerring, J. (2008). Case selection techniques in case study research. A menu of qualitative and quantitative options. *Political Research Quarterly*, 61 (2), 294–308.
- Šimon, M. and Mikešová, R. (2014). *Population Development and Policy in Shrinking Regions: The Case of Central Europe*. Prague: Institute of Sociology, Academy of Sciences of the Czech Republic.
- Turok, I. and Myknenko, V. (2007). The trajectories of European cities, 1960–2005. *Cities*, 24 (3), 165–182.
- Zaionchkovskaya, Zh., Mkrтчян, N. and Tyuryukanova, E. (2014). Russia's Immigration Challenges. In: T. Akaha, A. Vassilieva, ed., *Russia and East Asia: Informal and gradual integration*. New York: Routledge, 200–243.

Статья поступила в редакцию 8 августа 2020 г.
Статья рекомендована в печать 18 июня 2021 г.

Контактная информация:

Батунова Елена Юрьевна — elena.batunova@polimi.it
Гунько Мария Сергеевна — msgunko@igras.ru
Медведев Андрей Александрович — medvedev@igras.ru

Mismanaged space: planning and policymaking in the context of depopulation in Ivanovskaya oblast*

E. Yu. Batunova¹, M. S. Gunko^{2,3}, A. A. Medvedev^{2,3}

¹ Politecnico di Milano,
3, via Bonardi, Milano, 20133, Italy

² Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences,
29, Staromonetnyi per., Moscow, 119017, Russian Federation

³ National Research University “Higher School of Economics”,
11, Pokrovsky bul., Moscow, 109028, Russian Federation

For citation: Batunova, E. Yu., Gunko, M. S., Medvedev, A. A. (2021). Mismanaged space: planning and policymaking in the context of depopulation in Ivanovskaya oblast. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 66 (3), 440–459. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2021.302> (In Russian)

Since the second half of the twentieth century, cities and regions worldwide have experienced depopulation due to the global economic and social transformation. Aging and natural population decline have become characteristic for Russia already in the late-Soviet period. In addition, the transition from state socialism to a variation of neoliberal capitalism with a change in rationality of economic development and governance has led to an intensification of internal migration flows. Against this background, the aim of the current article lies in a comparative analysis of the core main trends in the transformation of the regional settlement system and the response to these transformations proposed by the regional and municipal planning and policy in Russia. The research is carried out based on the example of Ivanovskaya oblast. By analyzing statistical and remote sensing data, the study highlights the general negative demographic trends in the region, intra-regional differences in these trends, as well as the results of their impact on the transformation of the settlement system pattern. Content analysis of normative documents makes it possible to reveal features of official policymaking and the planning agenda at the regional and municipal levels, which determine territorial development in the context of depopulation. Based on the results of the content analysis, the following conclusions are drawn. Firstly, there seems to be an incomplete or simplified understanding of dynamics, causes, and consequences of depopulation both at the regional and municipal levels. Secondly, coordination between different levels of governance in managing depopulation appears to be insufficient. Thirdly, regional authorities do not seem to “accept” the current demographic situation as the basic condition for forming a long-term scenario of the region’s development.

Keywords: depopulation, spatial shrinkage space compression, settlement system pattern, planning, regional policy, demographic policy, Ivanovskaya oblast.

References

- Aleshkovsky, I. A. and Bocharova, Z. S. (2014). Russia in the global migration flows: history and contemporary state of affairs. *Vestnik Moskovskogo Unviersiteta, Serii 17: Globalistika i Geopolitika*, 3–4, 3–24. (In Russian)
- Andreev, E. M. (2012). On the accuracy of the results of the Russian population censuses and the degree of trust in various sources of data. *Voprosy statistiki*, (11), 21–35. (In Russian)
- Averkieva, K. V. (2016). Shaky balance or depressive stability of Ivanovskaya Oblast. In: S. G. Safronov, ed., *Geographic issues. Vol. 141: Problems of Russian Regional Development*. Moscow: Kodeks Publ., 358–380. (In Russian)

* Funding: Section 3 was written as part of the research conducted by M. Gunko and A. Medvedev at the Institute of Geography Russian Academy of Sciences in the framework of the project of the Russian Science Foundation no. 19-17-00174 “Early developed regions under socio-economic polarization and shrinkage of active space in European Russia”.

- Batunova, E. Yu. (2017). Accounting for depopulation processes in the territorial planning documents of cities in southern Russia. *Regional'nye issledovaniia*, 1 (55), 64–72. (In Russian)
- Batunova, E. and Perucca, G. (2020). Population Shrinkage and Economic Growth in Russian Regions 1998–2012. *Regional Science Policy and Practice*, 12 (4), 595–609.
- Cottineau, C. (2016). A multilevel portrait of shrinking urban Russia. *Espace populations sociétés*. [online] 2015/3–2016/1. Available at: <http://eps.revues.org/6123> [Accessed 5 Aug. 2021].
- Dokhov, R. A. and Sinitsin, N. A. (2020). Sprawl in Russia: growth and structural transformation of Belgorod suburbs. *Izvestiia Rossiiskoi Akademii Nauk. Serii Geograficheskaiia*, (2), 191–206. (In Russian)
- Eberstadt, N. (2010). *Russia's peacetime demographic crisis: dimensions, causes, implications*. Seattle: National Bureau of Asian Research.
- Fainstein, S. and Defilippis, J. (eds) (2016). Introduction. In: *Readings in Planning Theory*. Chichester: Wiley Blackwell, 1–18.
- Federal Law “On strategic planning in the Russian Federation”, 28 June 2014, No. 172-Ф3. (2014). Moscow. (In Russian)
- Flyvbjerg, B. (2006). Five misunderstandings about case-study research. *Qualitative Inquiry*, 12 (2), 219–245.
- Grossman, K., Bontije, M., Haase, A. and Myknenko, V. (2013). Shrinking cities: notes for the future research agenda. *Cities*, 35, 221–225.
- Haase, A., Rink, D., Grossmann, K., Bernt, M. and Mykhenko, V. (2014). Conceptualizing urban shrinkage. *Environment and Planning A*, 46 (7), 1519–1534.
- Haase, A., Rink, D. and Grossmann, K. (2016). Shrinking cities in post-socialist Europe: what can we learn from their analysis for theory building today? *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 98 (4), 305–319.
- Hoekveld, J. J. (2012). Time-Space Relations and the Differences Between Shrinking Regions. *Built Environment*, 38 (2), 179–195.
- Hollander, J. (2018). *A Research Agenda for Shrinking Cities*. Edward Elgar Publishing.
- Hospers, J.-G. (2014). Policy responses to urban shrinkage: from growth thinking to civic engagement. *European Planning Studies*, 22 (7), 1507–1523.
- Kordonsky, S. G. (2018). More than three hundred years of continuous modernization, but the country remains the same. [online] *Znak*. Available at: https://www.znak.com/2018-11-12/simon_kordonskiy_o_propasti_mezhdu_falshivoy_gosstatistikoy_i_realnoy_zhiznyu_rossiyan [Accessed 5 Aug. 2021]. (In Russian)
- List of monofunctional settlements of the Russian Federation (*monogorods*). (2014). Russian Federation Government Order. 29 July 2014. No. 1398-p. (In Russian)
- Mah, A. (2012). *Industrial Ruination, Community and Place: Landscapes and Legacies of Urban Decline*. Toronto: University of Toronto Press.
- Martinez-Fernandez, C., Audirac, I., Fol, S. and Cunningham-Sabot, E. (2012). Shrinking cities: urban challenges of globalization. *International Journal of Urban and Regional Research*, 36 (2), 213–225.
- Medvedev, A. A. and Gunko, M. S. (2016). Identification of inhabited settlements based on remote sensing data. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Geodeziia i aerofotozemka*, (6), 85–91. (In Russian)
- Mkrtychyan, N. (2011). Russia's migration balance by regions: the twenty post-Soviet years. *Regional Research of Russia*, 1, 95–198.
- Molyarenko, O. A. (2014). Municipal statistics and the problems of collecting information by local authorities. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: Socio-economic Sciences*, 14 (4), 125–140. (In Russian)
- multistat.ru. (n. d.). *Multistat — Multifunctional statistical portal. The database “Economy of Russian cities”*. [online] Available at: http://multistat.ru/?menu_id=9310004 [Accessed 5 Aug. 2021]. (In Russian)
- Nefedova, T. G. and Medvedev, A. A. (2020). Shrinkage of developed space in the Central part of European Russia: population dynamics and land use in rural areas. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii nauk. Serii Geograficheskaiia*, 5, 645–659. (In Russian)
- Ivanovo. *Eine Stadt in postsozialistische Transformation*. (2004). [online] Available at: http://www.shrinkingcities.com/fileadmin/shrink/downloads/pdfs/WP_Band_1_Ivanovo.pdf [Accessed 5 Aug. 2021].
- Pallagst, K., Fleschur, R. and Said, R. (2017a). What drives planning in a shrinking city? Tales from two German and two American cases. *Town Planning Review*, 88 (1), 15–28.
- Pallagst, K., Mulligan, H., Cunningham-Sabot, E. and Fol, S. (2017b). The shrinking city awakens: Perceptions and strategies on the way to revitalisation? *Town Planning Review*, 88 (1), 9–13.

- rosreestr.gov.ru. (n. d.). *Rosreestr — Federal Service of State Registration, Cadastre and Cartography*. [online] Available at: <https://rosreestr.gov.ru/site/> [Accessed 5 Aug. 2021]. (In Russian)
- rosstat.gov.ru. (n. d.). *Rosstat — Federal State Statistics Service*. [online] Available at: <https://rosstat.gov.ru/> [Accessed 5 Aug. 2021]. (In Russian)
- Rožanova, M. S. (ed.) (2016). *Labor migration and migrant integration policy in Germany and Russia*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press.
- Seawright, J. and Gerring, J. (2008). Case selection techniques in case study research. A menu of qualitative and quantitative options. *Political Research Quarterly*, 61 (2), 294–308.
- Šimon, M. and Mikešová, R. (2014). *Population Development and Policy in Shrinking Regions: The Case of Central Europe*. Prague: Institute of Sociology, Academy of Sciences of the Czech Republic.
- Turok, I. and Mykhnenko, V. (2007). The trajectories of European cities, 1960–2005. *Cities*, 24 (3), 165–182.
- Urban Planning Code of the Russian Federation, 29 Dec. 2004, No. 190-Φ3*. (2004). Moscow. (In Russian)
- Vishnevsky, A. G. (2000). The rise of mortality in the 1990s: fact or artifact? *Mir Rossii*, 9 (3), 153–160. (In Russian)
- Vishnevsky, A. G. and Zakharov, S. V. (2010). What the Russian demographic statistics does and does not know. *Voprosy statistiki*, (2), 7–17. (In Russian)
- The concept of the State migration policy of the Russian Federation for 2019–2025*. (2018). Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 622 of October 31, 2018.
- Vishnevsky, A. G., Andreev, E. M. and Sherbakova, E. M. (2017). Demographic challenges in Russia. Part one — population and space. *Demoskop Weekly*. [online] (749–750). Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0749/tema01.php> [Accessed 5 Aug. 2021]. (In Russian)
- Vishnevsky, A. G. and Shur, A. E. (2019). Mortality and life expectancy in Russia for half a century. *Orgzdrav: novosti mneniia obobshchenie*, 5 (2), 10–21. (In Russian)
- Zaionchkovskaya, Zh., Mkrtchian, N. and Tyuryukanova, E. (2014). Russia's Immigration Challenges. In: T. Akaha, A. Vassilieva, ed., *Russia and East Asia: Informal and gradual integration*. New York: Routledge, 200–243.

Received: August 8, 2020

Accepted: June 18, 2021

Contact information:

Elena Yu. Batunova — elena.batunova@polimi.it

Maria S. Gunko — mmsgunko@igras.ru

Andrey A. Medvedev — medvedev@igras.ru